

Все началось с письма, которое Эдвард, первый муж Сьюзен Морроу, прислал ей еще в сентябре. Он написал книгу, роман, и может, она его прочтет? Сьюзен была поражена, потому что, не считая рождественских открыток со словами “С любовью” от его второй жены, никаких известий об Эдварде она не получала уже двадцать лет.

Она поискала его среди воспоминаний. Она помнила, что он хотел писать — рассказы, стихи, очерки, все, что состоит из слов, — это она помнила хорошо. Это было главной причиной возникших между ними сложностей. Но она думала, что потом он оставил писательство, решив заняться страхованием. Оказывается, нет.

В кажущееся ныне неправдоподобным время их брака стоял вопрос, надо ли ей читать написанное им. Он новичок, она — более строгий критик, чем ей бы хотелось. Положение было ще-

котливое: она смущалась, он обижался. Теперь в письме он говорил: но уж эта книга, черт возьми, хороша. Он столько узнал о жизни и писательском деле. Он хочет доказать ей это, пусть прочтет, увидит, пусть судит сама. Лучшего критика, чем она, у него не было, писал он. И она может ему помочь, так как ему кажется, что роману, при всех его достоинствах, чего-то не хватает. Она поймет, она подскажет. Не спеши, писал он, набросай несколько слов — что в голову придет. Подписано: “Твой Эдвард, который по-прежнему помнит”.

Подпись ее рассердила. Она слишком о многом напоминала и ставила под угрозу заключенный с прошлым мир. Ей не хотелось вспоминать, не хотелось соскальзывать в те малоприятные переживания. Тем не менее она попросила его выслать книгу. Она устыдилась своих подозрений и возражений. Почему он просит ее, а не кого-нибудь из новых знакомых? Почему обременяет: как будто “что в голову придет” не есть то же самое, что вдумчивые суждения. Но отказать она не могла — не то показалось бы, что она до сих пор живет прошлым. Посылка пришла через неделю. Ее дочь Дороти принесла ее на кухню, где они ели бутерброды с арахисовым маслом, — она, Дороти, Генри и Роза. Посылка была густо заклеена. Она извлекла рукопись и прочла титульный лист:

ЭДВАРД ШЕФФИЛД
НОЧНЫЕ ЖИВОТНЫЕ
РОМАН

Хорошая машинопись, чистая бумага. Она задумалась о смысле заглавия. Оценила жест Эдварда, примирительный и лестный. Она испытала легкий стыд, настороживший ее, и поэтому, когда ее нынешний муж Арнольд пришел вечером домой, смело объявила:

— Я сегодня получила письмо от Эдварда.

— От какого Эдварда?

— Ну, Арнольд.

— А, от Эдварда. Так. И что же этот недоумок имеет сообщить?

Это было три месяца назад. На душе у Сюзен беспокойно — прихватит и отпустит, разобраться не получается. Когда она не беспокоится, ее беспокоит, что она может забыть, о чем беспокоится. А когда знает, о чем беспокоится — понял ли Арнольд, что она хотела сказать, или что хотел сказать он, когда сказал, что хотел сказать этим утром, — даже тогда она чувствует, что дело в чем-то другом, более важном. Между тем она хозяйничает, оплачивает счета, прибирается и стряпает, занимается детьми, трижды в неделю ведет занятия в местном колледже, а ее муж в это время чинит сердца в больнице. Вечерами она чита-

ет, предпочитая это телевизору. Читает она, чтобы отвлечься от себя.

Ее тянет открыть роман Эдварда — она любит читать, хочет верить, что он способен расти, — но три месяца не может за него взяться. Отсрочка оказалась ненамеренной. Она положила рукопись в шкаф, забыла про нее и потом вспоминала в самое неподходящее время — покупая продукты, отвозя Дороти на урок верховой езды, проверяя работы первокурсников. Расправившись с делами, забывала.

Когда не забывала, то пыталась освободить голову, чтобы читать роман Эдварда как полагается. Трудность заключалась в воспоминаниях, просыпавшихся, как древний вулкан, с рокотом и землетрясением. Вся эта забытая близость, их бесполезное знание друг друга. Она помнила его самоупоенность, тщеславие, а также его страхи — а вдруг он ничего собой не представляет, — но обо всем об этом надо забыть, если она хочет, чтобы ее оценка была справедливой. Она решительно настроена быть справедливой. Чтобы быть справедливой, она должна отречься от воспоминаний и притвориться посторонним человеком.

Она не могла поверить, что он хочет, чтобы она просто прочла его книгу. Тут, наверное, что-то глубже, какой-то новый выверт в их мертвом союзе. Она задумалась, чего, по мнению Эдварда, недостает его книге. Из письма следовало, что он не знает, но она поду-

мала — нет ли там тайного смысла: Сьюзен и Эдвард, сокровенная любовная песнь? Дескать, прочти и, разыскивая недостающее, найди Сьюзен.

Или ненависть, что представлялось более вероятным, хотя они избавились от нее сто лет назад. Если она злодейка, то там неостанется предназначенного ей яда, вроде белоснежкиного красного яблочка. Любопытно будет узнать, сколько иронии на деле содержит письмо Эдварда.

Но даже внутренне приготовившись, она по-прежнему забывала, не читала и со временем утвердилась в мысли, что потерпела фиаско. Она стыдилась этого и одновременно гордилась своим неповиновением, пока за несколько дней до Рождества не получила от Стефани открытку с припиской от Эдварда. Он приедет в Чикаго, говорилось там, тридцатого декабря, на один день, остановится в “Мариотте”, надеюсь, увидимся. Она встревожилась, потому что он захочет поговорить о своей нечитаной рукописи, затем успокоилась, поняв, что время еще есть. После Рождества: муж Арнольд уедет на съезд кардиохирургов, на три дня. Тогда и прочтет. Это займет ее, поможет не думать о поездке Арнольда, и ей не придется чувствовать себя виноватой.

Интересно, как сейчас выглядит Эдвард. Она помнит его светловолосым, птицеподобным — с крючковатого носа постреливают глаза, — невероятно тощим — руки как плети, острые локти, гениталии

на фоне костлявого таза кажутся больше, чем они есть. Тихий голос, рубленая, нетерпеливая речь, словно он думает, что большая часть того, что ему приходится говорить, — глупости, которые и говорить-то не стоит.

Может, он стал степенным или чванливым? Наверно, прибавил в весе и поседел, если только не облысел. Она гадает, что он подумает о ней. Ей бы хотелось, чтобы он отметил, насколько она стала терпимее, легче, великодушнее и насколько больше она всего знает. Она боится, что его обескуражит разница между двадцатью четырьмя и сорока девятью годами. Очки она поменяла, но при Эдварде она вовсе не носила очков. Она пополнена, грудь увеличилась, впалые щеки округлились, и бледность на них сменилась румянцем. Волосы — при Эдварде длинные, прямые и шелковистые — теперь прибранные, короткие и с сединой. Она сделалась здоровой и крепкой, и Арнольд говорит, что она похожа на скандинавскую лыжницу.

Сейчас, когда она совсем готова к чтению, она задается вопросом, что это за роман. Как будто путешествие неведомо куда. Хуже всего, если роман не удался: это, может быть, задним числом ее оправдает, но создаст неловкость в настоящем. Но даже если он и удался, она все равно рискует: задушевная прогулка по незнакомому сознанию, необходимость раздумывать над символами, более внятным другим, чей ей, иметь дело с замкнутым кругом навязанных

ей чужаков, вживаться в чужой обиход. А проводником — Эдвард, из-под власти которого она в свое время с таким трудом освободилась.

Сколько малопривлекательных перспектив: заскучать, оскорбиться, попасть под сентиментальные излияния, отяготиться унынием и мраком. Что занимает Эдварда в сорок девять лет? Наверняка она может сказать лишь, чем этот роман не будет. Если Эдвард не переменится самым коренным образом, книга не будет ни детективом, ни историей бейсболиста, ни вестерном. Не будет она и кровавой историей о мести.

Что остается? Она выяснит. Она приступит в понедельник вечером, назавтра после Рождества, когда Арнольд уедет. Чтение займет три вечера.